

Между историей и политикой: поэзия глазами Ханны Арендт и Уистена Одена

Аронсон Д.О., Институт философии РАН
daaronson@yandex.ru

Аннотация: В эссе «Истина и политика» Ханна Арендт рассуждает о роли исторических фактов в политике. С ее точки зрения, хотя политик по природе своей деятельности склонен относиться к фактам без уважения, он не может полностью их игнорировать. Более того, в новейшее время, когда преемственность существования общности больше нельзя обеспечить средствами устной традиции или городской архитектуры, именно исторические факты образуют рамку, внутри которой политика может иметь долговечные результаты. Ключевую роль в деле формирования такой рамки Арендт приписывает фигуре «рассказчика фактической истины». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что под этим именем могут скрываться люди разных призваний и профессий – историки, литераторы, журналисты, политические советники – и что никто из них, похоже, не в состоянии играть роль, возлагаемую на них Арендт. В этой статье будет показано, что рассуждения Уистена Хью Одена об уделе поэта позволяют как восполнить пробел в представлении Арендт о роли фактов в политике, так и увидеть принципиальные ограничения ее концепции.

Ключевые слова: Оден, Арендт, поэзия, политика, история, любовь, публичная сфера, политическое действие, истина факта.

Введение

Пожалуй, не будет ошибкой или даже упрощением сказать, что Ханна Арендт отстаивала автономию политического. Эта автономия носит у нее двойной характер. Во-первых, у политики имеется собственный предмет: не материальное благополучие, не права, но только само по себе политическое сосуществование людей. Во-вторых, у политики имеется и собственный способ говорения о этом предмете: мнение или, в позднейших сочинениях, кантовское незаинтересованное суждение. Такое суждение отлично как от «субъективного» выражения симпатии или антипатии, которое Арендт считала уместным лишь в частных отношениях, так и от поиска «объективной» истины, которым занимается ученый. Сообщество, сплоченное вокруг общего аффекта, утрачивает внутреннюю разнородность и перестает быть политическим; сообщество, сплоченное вокруг истины, лишает своих членов свободы суждения и тоже перестает быть политическим.

В то же время, Арендт признавала, что есть по меньшей мере одна неполитическая фигура, чья деятельность необходима для того, чтобы сообщество могло существовать политически: фигура «рассказчика фактической истины»¹. Хотя политик относится с подозрением ко всякому, кто притязает на знание истины, он не

¹ *Арендт Х.* Между прошлым и будущим / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. С. 368 и далее.

может совершенно игнорировать исторические факты. Такое игнорирование со временем потребует все больших усилий, потребует не просто не принимать факты во внимание, но и активно их замалчивать, и в конечном счете дезориентирует самих политиков. Таким образом, хотя политика, будучи сферой спонтанности, непредсказуема, политическое общежитие может обрести постоянство благодаря тому, что деятельность рассказчиков создает для него относительно устойчивый каркас из фактов и коллективной памяти.

Однако даже признавая значение деятельности рассказчиков, Арендт, похоже, сравнительно мало ей интересовалась. Так, толкуя платоновскую притчу о пещере как изображение конфликта между рассказчиком истины (человек, возвращающийся в пещеру) и политиком (люди в пещере), она замечает, что «Платон никак не объясняет упрямую любовь [людей в пещере] ко лжи и обману»². Это упущение объясняется, разумеется, пренебрежением Платона к миру человеческих дел. Иронично поэтому, что сама Арендт никак не объясняет еще более упорное, не считающееся даже с угрозой смерти, стремление рассказчика поведать об известной ему истине.

Это невнимание Арендт к деятельности, которую она считает неполитической, оставляет пробелы в ее описании взаимоотношений между истиной и политикой. Вместе с вопросом о том, что движет «рассказчиком фактической истины», она обходит вниманием и то обстоятельство, что под этим названием могут скрываться люди, деятельность и образ жизни которых выглядят совершенно по-разному: историки, писатели, поэты, журналисты, эксперты, политические советники. Проблема в том, что никто из них сам по себе, похоже, не может играть роли, возложенной Арендт на рассказчика: посредничать между миром фактов и миром политики. Сегодня, чтобы факт мог считаться достоверным, его изложение должно соответствовать стандартам научности, встречающимся в работе историка. Но, чтобы получить политическое значение, факт должен быть пересказан журналистом, писателем или поэтом в такой форме, в которой он теряет свою научную достоверность. Арендт любила приводить в пример античных историков и поэтов: Геродота, Фукидида, Гомера. Однако в античности один и тот же нарратив мог быть одновременно «художественным» и «историческим», а именно это сегодня невозможно.

Не оказывается ли что, что между политикой и поиском истины имеет место не просто относительное напряжение, но то, что Жан-Франсуа Лиотар назвал неологизмом *differend*: спор, который невозможно разрешить, потому что не существует языка, на котором можно было бы сформулировать требования обеих сторон?³ И не является ли сегодняшний расцвет *fake news* вовсе не очередной эскалацией старого напряжения, но неотвратимым следствием того, что сегодня факт просто не может попасть в политическое пространство в том виде, какой он должен иметь, чтобы считаться «истиной»?

Уистен Хью Оден не только дружил с Арендт, но и был близок ей

² Там же. С. 338.

³ Lyotard, J.-F. *The Differend: Phrases in Dispute*, trans. Georges Van Den Abbeele. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988, p. 9.

интеллектуально⁴. Не случайно в своих поздних сочинениях она цитирует его, вероятно, чаще, чем любого другого поэта. Но если Арендт тяготела к публичному, Оден тяготел к приватному. В своем эссе, написанном в память об поэте, Арендт замечала, что «в нем была сдержанность, не поощрявшая фамильярности, – не то, чтобы я когда-то проверяла ее на прочность; скорее я с радостью уважала ее как необходимую скрытность великого поэта, который, должно быть, с ранних лет приучил себя не говорить прозой, расплывчато или как попало о вещах, которые он умел высказать намного удовлетворительнее при помощи сжатой поэтической фразы. Не исключено, что молчаливость – это поэтическая *déformation professionnelle*»⁵.

Свое тяготение к приватному Оден считал не просто индивидуальной предрасположенностью, но уделом поэта вообще: «поэты, – писал он, – исключительно плохо оснащены для понимания политики»⁶. Несмотря на это, как среди его наиболее известных стихотворных произведений, так и среди наиболее сложных и трудозатратных, многие были посвящены актуальным политическим темам: гражданской войне в Испании, Второй мировой войне, вторжению СССР в Чехословакию. Поэзия во многом была для него тем же, чем для Арендт: приватной по существу деятельностью, имеющей, тем не менее, политическое измерение в силу своей неразрывной связи с исторической действительностью. Однако будучи сам поэтом, он гораздо лучше понимал феноменологию этого вида деятельности и уделял ему гораздо больше внимания в своих эссе. Поэтому рассуждения Одена о задачах поэта, его отношениях с политической общностью и исторической действительностью могут в некоторой мере разрешить трудности, с которыми сталкиваются представления Арендт об отношении между фактами и политикой. Одновременно можно надеяться прояснить вопрос о том, до какой степени эти трудности вообще разрешимы.

Политическое воображение и общий мир

В эссе, написанном в конце 50-х гг. и посвященном шекспировскому Фальстафу, Оден рассуждает о том, что такие человеческие качества и отношения как скромность, терпение, приверженность делу и постоянство супружеской любви плохо поддаются театральной инсценировке. Если иметь в виду, что театральная сцена – основополагающая для Арендт метафора сферы человеческих дел, то эти рассуждения можно читать как критику оснований ее политической мысли⁷:

⁴ Лучшее исследование на эту тему: Gottlieb, S. *Regions of Sorrow: Anxiety and Messianism in Hannah Arendt and W. H. Auden*, Stanford: Stanford University Press, 2003. 320 pp.

⁵ Arendt, H. “Remembering Wystan H. Auden” in: Arendt, H. *Reflections on Literature and Culture*, Stanford: Stanford University Press, 2007, p. 294.

⁶ Auden, W.H. “The Poet and the City” in: Auden, W.H. *The Dyer’s Hand and Other Essays*, New York: Random House, 1962, pp. 84f.

⁷ О том, что эссе было предназначено Арендт, недвусмысленно говорит тот факт, что Оден сам послал ей копию. Правда в своем ответном письме Арендт прокомментировала исключительно ту часть эссе, где поэт рассуждает о прощении, частично согласившись с его позицией (Арендт Одну 14 февраля 1960 года // Бумаги Ханны Арендт в архиве библиотеки Конгресса, документы 004864 и 004865). В результате, среди исследователей сложилось ошибочное, на мой взгляд, представление, что только рассуждения о прощении были задуманы Оденем как полемика с Арендт. См., например, Lupton, J. R., “Judging Forgiveness: Hannah Arendt, W. H. Auden, and The Winter’s Tale”, in: *New Literary History*, 2014, Vol. 45, pp. 641–663.

«Скромность изобразить трудно: если ее показывают в момент ее идеального [проявления], то зритель ощущает, что чего-то не хватает, потому что чувствует, что подлинная идеальность скромности состоит не в том, что она идеальна в определенный момент, но в том, что она постоянна. Романтическую любовь очень хорошо можно изобразить в моменте, но не супружескую любовь, потому что мужа делает идеальным не то, что он таков раз в жизни, а то, что он таков каждый день. В моменте очень хорошо можно сконцентрировать мужество, но не терпение, именно потому, что терпение – это борьба со временем. Царя, завоевывающего царства, можно изобразить в моменте, но [...] нельзя изобразить мытарства того, кто ежедневно взваливает на плечи свой крест, ведь суть именно в том, что делает это каждый день»⁸.

В целом аргумент заключается в том, что, поскольку время театрального действия ограничено, на сцене нельзя изобразить те вещи, в само понятие которых входит их значительная временная протяженность. Чтобы стало понятным значение этого аргумента, вспомним, что Томас Гоббс, которого сама Арендт назначила одним из своих главных философских оппонентов, полагал, что временная протяженность существенна для двух основных предметов политической философии: естественного и гражданского состояния. «[В]ойна, – писал он, – состоит не в одной только битве или акте борьбы, но есть весь тот период, покуда достаточно внятна воля к сражению в битве, так что понятие времени надо включить в рассмотрение войны, подобно рассмотрению погоды»⁹. Ни войну всех против всех, ни «политическое тело» нельзя наблюдать в какой-либо отдельный момент, потому что и то, и другое – развернутая во времени тенденция. Это, разумеется, может подтолкнуть к тому самому выводу, которого Арендт стремится избежать: философ, или теоретик, взору которого открыта более длительная временная перспектива, понимает политические события лучше, чем их участники – если, конечно, последние сами не окажутся теоретиками. Возникающее отсюда искушение поставить политику в зависимость от теории, можно, пожалуй, считать основной темой интеллектуального беспокойства Арендт в последние 20 лет ее творчества. Всякая теория, полагала она, стремится выработать универсальные категории, а в области эмпирии – изучает повторяющиеся и, тем самым, предсказуемые процессы. В результате теоретический способ рассмотрения вещей неизбежно упускает из виду неповторимое, спонтанное, новое, и в конечном счете – свободу. В противовес изучению политики с помощью заранее принятого теоретического инструментария, Арендт пыталась выработать феноменологию политического как такого модуса человеческого существования, в котором значение имеет лишь то, для чего существенно быть явленным в публичном общении. Проблема в том, что в этом случае приходится отбросить как нерелевантное или даже губительное для хрупкого

⁸ Auden, W.H. *The Dyer's Hand*, pp. 199-200. Оден ссылается в этом месте на Сёрена Кьеркегора, но не указывает конкретное сочинение.

⁹ Hobbes T. *Leviathan: Revised Student Edition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, p. 88, цит. по Филиппов А.Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. 2009. Т.8. №3. С. 108. В этой же статье см. подробнее о темпоральном характере гоббсовских понятий.

политического общежития все то, что по каким-то причинам явлено быть не может или не должно. А это, как выясняется, не только сокровенные чувства и мотивы, но и все те вещи, которые по определению должны иметь существенную временную протяженность; а к такого рода вещам, как видно из рассуждений Гоббса, относится и само по себе политическое сообщество. Время, в котором существуют эти вещи, имеет более длительные периоды, нежели феноменально переживаемое время человеческого жизненного мира. А потому такие вещи могут оказаться полностью забыты, если специфически политическая оптика не будет чем-то ограничена и одновременно поддержана извне.

Арендт понимала, что политическое не может быть предоставлено само себе, и что сама его автономия требует некоторых неполитических условий. Чтобы спонтанно действующие люди могли образовать множество, их действия должны быть помещены некоторое долговечное пространство, предшествующее этим действиям и в известной степени независимое от них. Арендт называла такое пространство «общим миром», имея в виду, что этот мир образует общий контекст для действий разных людей¹⁰. Общий мир имеет как физическое, так и феноменологическое изменение: с одной стороны, это физически реальное место, отведенное для политики, такое как античная агора. С другой стороны, это более-менее разделяемый участниками образ той политической общности, к которой они принадлежат. В античности относительное постоянство такого образа обеспечивалось традицией, передаваемой через поколения усилиями историков и поэтов.

Однако в XX веке общий мир уже не может быть тем, чем он был в античности. Технический прогресс быстро изменяет физический облик современных городов. Необходимость приспособливаться к этим изменениям требует столь же быстрого изменения психологии людей и их самопонимания. Первое не позволяет конституировать общий мир средствами архитектуры, второе исключает существование традиции в традиционном смысле. Однако если материальные изменения необратимы, то воображение способно хотя бы задним числом находить в этих изменениях историческую преемственность. Поэтому по крайней мере в коллективном воображении общий мир может продолжать существовать как нечто долговечное. Но этот интерсубъективный образ уже не может попросту наследоваться благодаря традиции: чтобы в условиях постоянных изменений вообще сохранять способность идентифицировать прошлое как *свое*, общность должна активно переосмысливать имеющийся у нее образ самой себя и своей истории. Пожалуй, отчасти этим продиктован поворот поздней Арендт к кантовской теории рефлектирующего суждения¹¹. Стремясь сделать свое суждение о политических событиях значимым для максимального количества людей, их свидетель представляет себя на месте всех тех,

¹⁰ См. Arendt, H. *The Human Condition*, Chicago: The University of Chicago Press, 1998, pp. 52f.

¹¹ О значении кантовской теории суждения для Арендт см. Бейнер Р. Ханна Арендт о суждении // Арендт Х. Лекции по политической философии Канта / Пер. с англ. А. Глухова. М.: Наука, 2012. С. 147-255. А также: Аронсон Д.О. Способность суждения и ее связь с политической ответственностью // Арендт Х. Ответственность и суждение / Пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. института Гайдара, 2013. С. 7–24.

кого они затрагивают, и пытается учесть их возможные мнения в своем суждении. Вступая в диалог, такие судящие зрители стремятся не к полному единодушию, но к тому, чтобы сделать свои позиции, во всяком случае, взаимно понятными. Общий мир существует здесь не как данность, а как воображаемое сообщество, образ которого постоянно редактируется в ходе многосторонних усилий наладить взаимопонимание.

Вместе с тем, подобный процесс не может существовать в вакууме: каждый зритель, вынося суждение, представляет себя на месте остальных, и тем самым уже заранее имеет некое представление о том, как выглядит общий мир, в котором каждому отведено то или иное место. Чтобы была хотя бы надежда на взаимопонимание, исходные картины этого мира, существующие в разных головах, должны хотя бы в чем-то совпадать. Должно заранее иметься некоторое коллективное, пусть еще и не прошедшее горнило обмена мнениями, воображение и коллективная память.

Политика и поэзия

Хотя эта коллективная память не может существовать без исторической науки, одной только работы историков недостаточно. Факты в том виде, в каком их открывают и систематизируют современные историки, столь же малопонятны для политического взгляда с его особой феноменологией, как вышеупомянутые вещи большой длительности – во многом потому, что время, в котором существуют эти факты, тоже измеряется большими периодами. Сама Арендт, кстати, подчеркивает, что в политике имеет значение такая история, которую можно рассказать: *story*, а не *history*. Другими словами, чтобы исторический факт получил политическое значение, его нужно превратить в художественный нарратив.

Вероятно, поэтому Арендт придает поэзии и короткой прозе не меньшее значение, чем исторической науке. «При помощи сжатой поэтической фразы» стихотворение способно переработать исторические события и процессы в короткий нарратив и тем самым ввести их в сферу феноменологически данного. Поэзия, таким образом, возвращает политике доступ к вещам большой длительности. Также и на сцене, вопреки Одну, существуют способы показать скромность, терпение или прощение: их можно изобразить при помощи ссылок на исторические *примеры*¹². Конечно, чтобы упоминание какого-то исторического лица воспринималось как пример того или иного качества, в голове у зрителей должен существовать более-менее один и тот же нарратив об этом лице. Этот нарратив, в свою очередь, не может быть драматическим нарративом, он должен иметь такую художественную форму, которая позволяет изображать вещи большой длительности. Равным образом и политика не может существовать в отсутствие неполитических видов деятельности, которые будут создавать мир коллективной памяти: во-первых, исторической науки, во-вторых, поэзии и короткой прозы.

Здесь, впрочем, возникает еще одна проблема, которой Арендт напрямую не

¹² Рассуждения Арендт об историческом примере см. в приложении к «Лекциям по политической философии Канта», с. 137 и далее в указанном русском издании. Надо, правда, оговориться, что сама Арендт, отвечая Одну на его замечания, не ссылаясь на свою концепцию исторического примера, которая, по всей видимости, сложилась у нее несколько позже.

касается. Сегодня, и это еще одно очевидное отличие от античности, историческое исследование не может одновременно быть поэмой. Пути историка и поэта разошлись. Только первый может претендовать на достоверное и неангажированное изложение фактов, но только второй может придать этим фактам политическое значение.

Можно ли в таком случае вообще провести границу между пропагандистской поэзией (а поэзия в виде лозунгов и афоризмов – неотъемлемая часть любой политической кампании) и такой, которая делает факты политически значимыми, не будучи сама политическим высказыванием? В конце концов, ни одно поэтическое или прозаическое художественное произведение не будет заслуживать доверия, если оценивать его критериями, принятым у ученых: оно всегда будет подавать факты избирательно и тенденциозно.

Арендт, похоже, не уделяет внимания этому неоднозначному положению поэта. Вместо этого она пишет, что «[т]огда как лжец — человек действия, рассказчик истины [...] — решительно нет»¹³. Объединяя всех рассказчиков в общую категорию, она выводит их деятельность за пределы политики. Однако похоже, что если деятельность историка еще может быть неполитической, то положение писателя и поэта, но также журналиста, обладающего экспертным знанием советника, а сегодня еще и случайного прохожего со смартфоном и блоггом на «Youtube», куда менее однозначно. То, что они рассказывают об исторических событиях, представляет собой не только их изложение, но и некоторую художественную переработку, тем самым – интерпретацию. С одной стороны, как всякая интерпретация, их повествование в той или иной степени произвольно, что роднит его с политическим мнением. С другой стороны, их повествование необходимо для того, чтобы факт вообще попал в политическое пространство, и эта необходимость роднит его с истиной. Это ставит под вопрос надежды Арендт на то, что факты могут образовывать рамку для политики таким образом, чтобы политические мнения с их произвольностью не посягали на истинность фактов, а факты с их необходимостью не уничтожали свободу мнения. Похоже, что факт вообще не может проникнуть в политику, не будучи предварительно превращен в своего рода мнение, «фактическую» составляющую которого нельзя отделить от «субъективной», если только вновь не покинуть сферу политики. В политике факт можно либо объявить «всего лишь» мнением и тем самым позволить себе не считаться с ним как с фактом, либо признать его неизбежным и тем самым наделять тираническими привилегиями тех, кто разделяет мнение.

Одена, в противоположность Арендт, чрезвычайно волновал вопрос о специфическом положении поэта, на долю которого выпадает описанная алхимия. Он ясно осознавал чреватость поэзии насилием. По роду своей деятельности поэт осуществляет насилие над языком и, если он захочет быть больше чем просто поэтом, то рискует перенести свои насильственные методы и на людей:

«Цель поэта и любого художника – создать нечто законченное, что продолжит существовать без изменений [...]. Общество, подобное хорошей поэме и воплощающее эстетические достоинства красоты, порядка, экономии и подчинения части целому,

¹³ Арендт Х. Между прошлым и будущим. С. 369.

было бы ночным кошмаром, потому что, с учетом реальной человеческой истории, такое общество могло бы возникнуть только при помощи селекции, уничтожения физически и психически неприспособленных, абсолютной покорности Автору и большого класса рабов, скрытого от взора в подвалах»¹⁴.

Чтобы стать ненасильственной, поэзии нужно отказаться от стремления создавать новое: «Poetry makes nothing happen: it survives»¹⁵. Отказываясь от притязаний что-то изменить, поэзия лишь выживает и тем самым увековечивает вещи, о которых она повествует. Ее специфический способ хранить память о вещах – это их восхваление:

That singular command
I do not understand,
Bless what there is for being,
Which has to be obeyed, for
What else am I made for,
Agreeing or disagreeing?¹⁶

Поэт «должен восхвалять все, что только может»¹⁷. Но это не означает неразборчивости, поскольку поэт должен знать, что именно он может восхвалять. По целому ряду причин найти такой предмет становится все труднее: «Пришествие машин уничтожило непосредственную связь между намерением человека и его действием». В результате «искусства, и в частности литература, лишились традиционно ключевого для них героя: человека действия, вершителя публичных дел», поскольку «[д]обро или зло, которое сегодня чинят [публичные персоны], зависит не столько от их характера, сколько от количества находящейся в их распоряжении безличной силы»¹⁸. Еще сложнее для поэзии подступиться к тем вещам, которые делают саму по себе осмысленную речь невозможной: «Злая затея, например, писать пьесу [...] об Освенциме; автор и зрители могут сделать вид, что они нравственно ужаснулись, но в действительности они приятно провели вечер в компании друг друга за эстетическим

¹⁴ Auden, W.H. *The Dyer's Hand*, p. 85. Несколько иначе на родство поэзии и насилия указывал молодой Джорджио Агамбен в своем первом философском эссе, которое он в 1970 году отправил Ханне Арендт. Поэзия, как и порнография, обладает «способностью вводить насилие в сферу ненасилия: в язык». Ритмические и акустические повторы поэтической речи роднят ее с пропагандой, основанной на современных техниках многократного воспроизводства устного и письменного слова. (Agamben, G. "On the Limits of Violence", in: *diacritics*, 2009, Vol. 39, No. 4, p. 105.

¹⁵ Auden, "In Memory of W.B. Yeats" in: Auden, W.H. *Selected Poems*, New York: Vintage Books, 1979, p. 82.

¹⁶ «Одну эту заповедь / я не понимаю: / Славословь то, что есть за то, что оно есть, / которой надо повиноваться, ведь / для чего же еще я создан, / согласен я на то или нет?», Auden, W.H. "Precious Five". Арендт цитирует эти строки в «Жизни ума»: Arendt, H. *The Life of Mind*, New York: Harcourt, Inc., 1978, p. 92; Арендт Х. Жизнь ума / Пер. с англ. А. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. С. 315.

¹⁷ Auden, *The Dyer's Hand*, p. 60.

¹⁸ Ibid, p. 80-81.

наслаждением ужасами».¹⁹ Труднее становится найти и адекватные формы для поэтического восхваления: вызванная открытиями науки «[у]трата веры в значение и реальность чувственно воспринимаемых явлений [...] разрушает традиционное представление об искусстве как о мимесисе, поскольку больше нет “самой” природы, которой можно правдиво или фальшиво подражать»²⁰.

Таким образом, простое увековечение вещей становится все менее тривиальной задачей, превращаясь в дело, научиться которому едва ли не за пределами собственных сил человека: «In the prison of his days / Teach the free man how to praise»²¹. Поэту все больше требуется та сдержанность, которую Арендт замечала в Одене. Ему, к тому же, требуется готовность экспериментировать, потому что постоянно меняющийся мир делает старые формы поэтического восхваления неадекватными.

Этос рассказчика и любовь

Но почему собственно следует рассчитывать, что, будучи лишен интереса к собственно политике, поэт будет прилагать такие усилия только для того, чтобы увековечить вещи такими, какие они есть? Чтобы понять это, нужно ответить на еще один вопрос, который Арендт затрагивает лишь вскользь: вопрос о том, что движет рассказчиком истины.

Арендт, как уже упоминалось, неразборчиво объединяет всех рассказчиков в одну категорию. Всем им она приписывает загадочное нечеловеческое упорство в деле сохранения фактов. Но если вспомнить, сколь разные, на самом деле, бывают рассказчики, все оказывается сложнее. Так, от журналиста или, тем более, от политического советника нельзя ждать безусловной приверженности фактам самим по себе. Именно это делает их сомнительными кандидатами на роль тех, чьи рассказы хранят политическую сферу, оставаясь за ее пределами. Если журналист работает за зарплату, то он находится в сфере социального, и в таком случае подозрительно то, что он не только излагает факты, но и интерпретирует их, вторгаясь тем самым в сферу политики. Если журналист работает за идею, то он изначально находится в сфере политики, и в этом случае подозрительно то, что он берет на себя роль рассказчика истины.

Иначе дело обстоит с историками и поэтами²². Факты, с которыми работает историк, еще не имеют политического значения и зачастую столь специфичны, что трудно представить, каким образом они его приобретут. Историк поэтому

¹⁹ Auden, W.H. *Secondary Worlds*, London: Faber & Faber, 1964, p. 84. Подробнее о значении похвалы в творчестве Одена см. Gottlieb, *Regions of Sorrow*, pp. 189f.

²⁰ Auden, W.H. *The Dyer's Hand*, pp. 78.

²¹ «В тюрьме его дней / научи свободного человека восхвалению». Auden, “In Memory of W.B. Yeats”, pp. 83.

²² Остаются, конечно, еще те специфические формы, в которых рассказ распространяется в сети, такие как мем или вирусное видео. Создатель мема не является ни историком, ни поэтом, ни журналистом в привычном смысле. Создателя мема, кроме того, не всегда можно в полном смысле назвать его автором, поскольку те, кто репостит мем, комментирует или пародирует его, участвуют в формировании его интерсубъективно считываемого смысла не меньше, чем создатель. Здесь нет возможности обсуждать эту новейшую форму нарратива, о которой ни Арендт, ни Оден знать не могли.

действительно очень часто обладает этосом безусловной приверженности фактам, какими бы они ни были. И если историк менее других рассказчиков подвержен соблазну идеологии, то поэт, пожалуй, менее других подвержен соблазну денег. В современном мире поэт крайне редко зарабатывает своим творчеством. Тем самым, от поэта с большими основаниями можно ждать, что им будет руководить простая приверженность истине. Для поэта, правда, истина будет не научным фактом, как для историка, а скорее некой трудноопределимой «правдой вещей» – понятие, смысл которого сам по себе будет предметом художественного поиска.

Стремлением поэта и историка увековечить вещи такими, какие они есть, можно иначе назвать любовью к вещам. Для Одена любовь действительно была принципиальным опытом: не просто предрасположенностью, но и осознанной установкой и темой его творчества. Стивен Спендер писал о нем, что «[н]а всем пути развития его поэзии [...] ее темой была любовь: не романтическая любовь, но любовь как способ истолкования мира, как индивидуальная потребность и как искупительная сила в жизни общества и отдельного человека»²³. Тем самым, существует по крайней мере возможность, что поэтом и историком будут двигать не такие специфически современные мотивы как выгода или идеология, но гораздо более архаичная сила эмпедокловского космоса. Это делает обоих в некоторой степени чужаками в современном мире, но это же делает их столь важными для политики, которая, в конце концов, тоже крайне архаичный институт, не случайно вызывавший подозрение у сторонников таких прогрессивных идеологий как марксизм и либерализм.

Как работает эта любовь к вещам, можно увидеть на примере одного конкретного оденовского опыта их увековечения: его эссе о книге Арндт «Удел человеческий»²⁴, которое он написал незадолго до того, как двое стали друзьями. Эссе начинается так: «Когда прочитываешь книгу с удовольствием и восхищением, то вполне естественно возникает желание, чтобы другие разделили с тобой эти чувства. Но, насколько я могу судить по себе, из этого правила бывают исключения. Время от времени я наталкиваюсь на книгу, которая создает у меня впечатление, будто ее написали специально для меня. [...] Поэтому к такой книге я отношусь с чувством ревнивого собственничества. Я не хочу, чтобы кто-то еще читал ее; я хочу оставить ее при себе. Книга “Удел человеческий” мисс Ханны Арндт принадлежит к этому малочисленному и избранному классу»²⁵.

В процитированном отрывке Оден допускает двойное перформативное противоречие. Первое противоречие заключается в начальных словах. Речь идет о книге, в которой настойчиво отстаивается автономия публичной и политической жизни и много говорится об угрозах, которые возникают, когда принципы приватной жизни людей переносятся на публичную сферу. Оден как бы говорит: эта книга, прославляющая публичность, слишком дорога мне, чтобы я согласился сделать ее достоянием публики. Второе противоречие заключается в самом факте написания

²³ Spender, S. “W.H. Auden. Memorial Address” in: Spender, S. *The Thirties and After. Poetry, Politics, People (1933-1975)*, London: Palgrave Macmillan, 1978, p. 273.

²⁴ В русском переводе: *Vita activa, или о деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В. Библихина. СПб: Алетейя, 2000. 437 с.

²⁵ Auden, W.H. “Thinking What We Are Doing”, in: *Encounter*, June, 1959, Vol. 12, p. 72.

рецензии: Оден говорит, что не хочет ни с кем делиться этой книгой, но, чтобы сказать это, он публикует рецензию, в которой рассказывает о ней читателям (цитаты из рецензии Одена попали на обложки последующих изданий книги, способствуя тому, чтобы ее прочло еще больше людей).

В отличие от Одена, Арендт в своих рефлексиях не придавала любви большого значения, читая ее «возможно, сам[ой] могущественн[ой] из антиполитических людских сил». Тем не менее, именно рассуждения, изложенные ею в «Уделе человеческом», наводят на мысль, что именно любовь – движущая сила описанных оденовских противоречий. Любовь, пишет она, «в силу своей страсти, уничтожает то “между”, которое связывает нас с другими и отделяет от них»²⁶. Любящий стремится полностью слиться с объектом своего чувства, а потому отрицает за ним всякое неустранимое своеобразие. Так и у Одена интимное отношение к книге, в котором он признается, оборачивается поначалу пренебрежением к специфике ее содержания. Арендт, кстати, замечает, что «только для поэтов любовь является неотъемлемым опытом, что дает им право ошибочно считать этот опыт всеобщим»²⁷.

Однако похоже, что значение любви для публичной сферы не столь однозначно, как это казалось Арендт. Посмотрим еще раз на второе оденовское противоречие: он хочет оставить книгу только для себя, но тем не менее делится ей с читателями. Любовь – движущая сила этого противоречия не в меньшей степени, чем предыдущего, поскольку любовь – это не только страсть присваивать, но и страсть отдавать. Если понимать любовь как стремление к слиянию с другим, то страсть присваивать означает стремление к слиянию меня и другого во мне, а страсть отдавать – стремление к такому же слиянию в другом. Любящий хочет и того, и другого слияния, а потому не готов пожертвовать ни собой, ни другим. Я и другой необязательно исчезают в центростремительном движении любви, но могут оставаться моментами его динамики.

Описанная схема объясняет, почему для поэзии стать ненасильственной значит отказаться от претензии что-то изменить. Сначала поэтическая любовь толкает к тому чтобы присвоить свой предмет и тем самым его изменить, затем – к тому, чтобы увековечить его для публики и оставить, как есть. Тем самым, любовь, как и сама поэзия, чревата насилием, хотя одновременно она чревата и противоядием от этого насилия.

Заключение

До конца жизни Арендт продолжала смотреть на любовь как на силу по существу антиполитическую. «[Л]юбовь, – писала она Одену, – ударяет по достоинству любимого, если прощает, когда об этом не просят. Разве непрощенное прощение – не настоящая наглость или, по крайней мере, высокомерие, когда тебе словно говорят: Как ни старайся, ты не сможешь причинить мне несправедливость; милосердие сделало меня неуязвимым?»²⁸ Любовь, тем самым, игнорирует в человеке именно то, что в нем

²⁶ Arendt, H. *The Human Condition*, p. 242.

²⁷ Ibid.

²⁸ Письмо Х. Арендт к У. Х. Одену от 14 февраля 1960 года // Бумаги Ханны Арендт в архиве библиотеки Конгресса, документы 004864 и 004865. См. также рассуждения о философской любви в «Жизни ума»: Arendt, *Life of the Mind*, pp. 178-179.

важно с точки зрения политики: его дела.

Тем не менее, похоже, что, вопреки Арендт, тот общий мир, к которому разыгрывается политика, не сложен из твердых исторических фактов. В лучшем случае он сшит из сравнительно произвольных поэтических интерпретаций, продиктованных любовью к вещам. Дело обстоит не просто таким образом, что политика, будучи как таковая свободна от сантимента любви, зависит от истории и поэзии – видов деятельности, которые в отсутствие этого чувства невозможны. Политика сама неизбежно оказывается в какой-то степени проникнута этим чувством (и противоположным), потому что изнутри политической оптики провести границу между фактом и его пристрастной интерпретацией невозможно.

Вместе с тем, амбивалентность любви делает ее рискованной в политическом отношении силой. Описанная выше страсть отдавать не столько нейтрализует потенциально губительные последствия страсти присваивать, сколько является ее оборотной стороной. Та же установка, которая заставляет поэта дарить исторические факты человеческому общему миру, может побудить его вмешаться в дела этого мира, чтобы привести его в соответствие с тем образом, который он любит. На каждого Одена найдется свой Паунд. Поэтому то положение вещей, о котором добравшийся до этого места читатель наверняка успел подумать – что роль поэзии в современном мире, и в политике в частности, ничтожна – можно воспринимать и как проклятие, и как избавление. Сегодня если кто-то и берет на себя ту роль, которую Арендт приписывала поэтам, то это бесчисленные и безымянные создатели и распространители мемов и сетевых репортажей. Разумеется, их деятельность в самых разных отношениях устроена совершенно иначе.

Литература

Арендт Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. Бибихина. СПб: Алетейя, 2000. 437 с.

Арендт Х. *Жизнь ума* / Пер. с англ. А. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.

Арендт Х. *Между прошлым и будущим* / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. 416 с.

Арендт Х. Мышление и соображения морали // Арендт Х. *Ответственность и суждение* / Пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 218-257.

Аронсон Д.О. Способность суждения и ее связь с политической ответственностью // Арендт Х. *Ответственность и суждение* / Пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. института Гайдара, 2013. С. 7–24.

Бейнер Р. Ханна Арендт о суждении // Арендт Х. *Лекции по политической философии Канта* / Пер. с англ. А. Глухова. М.: Наука, 2012. С. 147-255.

Оден У.Х. в переводах Е.М. Тверской. URL: http://samlib.ru/t/twerskaja_elen_a_m/audenengl.shtml (дата обращения 05.12.2018)

Филиппов А.Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья первая //

- Социологическое обозрение. 2009. Т.8. №3. С. 102-112.
- Agamben, G. "On the Limits of Violence" *Diacritics*, 2009, Vol. 39, No. 4, pp. 103-111.
- Arendt, H. "Remembering Wystan H. Auden", in: H. Arendt, *Reflections on Literature and Culture*. Stanford: Stanford University Press, 2007, pp. 294-302.
- Arendt, H. *The Human Condition*. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. 349 p.
- Arendt, H. *The Life of Mind*. New York: Harcourt, Inc., 1978. 521 p.
- Arendt, H. "Thinking and Moral Consideration", in: H. Arendt, *Responsibility and Judgment*. New York: Schocken Books, 2003, pp. 159-189.
- Auden, W.H. *Forewords and Afterwords*. New York: Vintage Books, 1990. 544 p.
- Auden, W.H. *Secondary Worlds*. London: Faber & Faber, 1964. 144 p.
- Auden, W.H. *Selected Poems*. New York: Vintage Books, 1979. 315 p.
- Auden, W.H. *The Dyer's Hand and Other Essays*. New York: Random House, 1962. 527 p.
- Auden, W.H. "Thinking What We Are Doing", *Encounter*, Vol. 12, June, 1959, pp. 72-76.
- Gottlieb, S. *Regions of Sorrow: Anxiety and Messianism in Hannah Arendt and W. H. Auden*. Stanford: Stanford University Press, 2003. 320 p.
- Hannah Arendt papers in the Library of Congress archive. [<https://memory.loc.gov/ammem/arendhtml/arendthome.html> accessed on 06.12.2018]
- Hobbes, T. *Leviathan: Revised Student*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 618 p.
- Lupton, J.R. "Judging Forgiveness: Hannah Arendt, W. H. Auden, and The Winter's Tale", *New Literary History*, 2014, Vol. 45, pp. 641-663.
- Lyotard, J.-F. *The Differend: Phrases in Dispute*, trans. by Georges Van Den Abbeele. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 208 p.
- Semonovitch, K. "Love is Strange: Auden, Arendt, and Anatheism", *Literary Imagination*, 2009, Vol. 11, No. 2, pp. 192-204.
- Spender, S. *The Thirties and After. Poetry, Politics, People (1933-1975)*. London: Palgrave Macmillan, 1978. 280 p.
- Young-Bruehl, E. *Hannah Arendt: For Love of the World*. New Haven: Yale University Press, 1982. 563 p.

References

- Arendt, H. *Vita activa, ili o deyatelnoy zhizni* [Vita active, or On active life], trans. by V. Bibihin. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2000. 437 pp. (In Russian)
- Arendt, H. *Zhizn' uma* [The Life of Mind], trans. by A. Govorunov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. 517 pp. (In Russian)
- Arendt, H. *Mezhdú proshlyim i buduschim* [Between past and future], trans. by D. Aronson. Moscow: Gaidar Institute Press, 2014. 416 pp. (In Russian)

Arendt, H. “Myishlenie i soobrazheniya morali” [Thinking and moral considerations], in: H. Arendt, *Otvetstvennost i suzhdenie* [Responsibility and judgment], trans. by D. Aronson, S. Bardina, H. Gulyaev. Moscow: Gaidar Institute Press, 2013, pp. 218-257. (In Russian)

Aronson, D.O. “Sposobnost’ suzhdeniya i ee svyaz s politicheskoy otvetstvennostyu” [Faculty of judgment and its relation to political responsibility], in: H. Arendt, *Otvetstvennost i suzhdenie* [Responsibility and judgment], trans. by D. Aronson, S. Bardina, H. Gulyaev. Moscow: Gaidar Institute Press, 2013, pp. 7-24. (In Russian)

Beiner, R. “Hanna Arendt o suzhdenii” [Hannah Arendt on judgment], in: H. Arendt, *Lektsii po politicheskoy filosofii Kanta* [Lectures on Kant’s political philosophy], trans. by A. Gluhov. Moscow: Nauka Publ., 2012, pp. 147-255. (In Russian)

Oden, W.H. “v perevodah E.M. Tverskoy” [W.H. Auden in E.M. Tverskaya’s translations], [http://samlib.ru/t/twerskaja_elen_a_m/audenengl.shtml accessed on 05.12.2018]. (In Russian)

Filippov, A.F. “Aktualnost filosofii Gobbsa. Statya pervaya” [Topicality of Hobbes’s philosophy. Article one], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2009, Vol. 8, No. 3, pp. 102-112. (In Russian)

Agamben, G. “On the Limits of Violence”, *Diacritics*, 2009, Vol. 39, No. 4, pp. 103-111.

Arendt, H. “Remembering Wystan H. Auden” in: Arendt, H. *Reflections on Literature and Culture*, Stanford: Stanford University Press, 2007, pp. 294-302.

Arendt, H. *The Human Condition*, Chicago: The University of Chicago Press, 1998. 349 pp.

Arendt, H. *The Life of Mind*, New York: Harcourt, Inc., 1978. 521 pp.

Arendt, H. “Thinking and Moral Consideration” in: H. Arendt, *Responsibility and Judgment*. New York: Schocken Books, 2003, pp. 159-189.

Auden, W.H. *Forewords and Afterwords*, New York: Vintage Books, 1973. 544 pp.

Auden, W.H. *Secondary Worlds*. London: Faber & Faber, 1964. 144 pp.

Auden, W.H. *Selected Poems*, New York: Vintage Books, 1979. 315 pp.

Auden, W.H. *The Dyer’s Hand and Other Essays*, New York: Random House, 1962. 527 pp.

Auden, W.H. “Thinking What We Are Doing”, *Encounter*, June 1959, Vol. 12, pp. 72-76.

Gottlieb, S. *Regions of Sorrow: Anxiety and Messianism in Hannah Arendt and W. H. Auden*. Stanford: Stanford University Press, 2003. 320 pp.

Hannah Arendt papers in the Library of Congress archive. [<https://memory.loc.gov/ammem/arendhtml/arendthome.html> accessed on 06.12.2018]

Hobbes, T. *Leviathan: Revised Student Edition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 618 pp.

Lupton, J. R. “Judging Forgiveness: Hannah Arendt, W. H. Auden, and The Winter’s Tale”, *New Literary History*, 2014, Vol. 45, pp. 641–663.

Liotard, J.-F. *The Differend: Phrases in Dispute*, trans. by Georges Van Den Abbeele. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 208 pp.

Semonovitch, K. “Love is Strange: Auden, Arendt, and Anatheism”, *Literary*

Imagination, 2009, Vol. 11, No. 2, pp. 192–204.

Spender, S. “W.H. Auden. Memorial Address”, in: S. Spender, *The Thirties and After. Poetry, Politics, People (1933-1975)*, London: Palgrave Macmillan, 1978. 280 pp.

Young-Bruehl, E. *For Love of the World*. New Haven: Yale University Press, 1982. 563 pp.

Between history and politics: poetry through the eyes of H. Arendt and W. Auden

Aronson D.O., Institute of Philosophy RAS

Abstract: In her essay ‘Truth and Politics’ Arendt discusses the role of historical facts in politics. According to her, although the politician, by nature of his activity, shows little respect towards facts, he cannot completely ignore them. Moreover, since in the modern age it is no longer possible to maintain continuity of a community’s existence by means of verbal tradition or public architecture, it is historical facts that constitute a framework, within which political activity may have durable results. Arendt attributes the key role in the constitution of such a framework to the figure of ‘the teller of factual truth’. However, on closer examination, it turns out that this description may signify people of diverse vocations and professions, such as historians, writers, journalists or political advisers, and that none of them seems to be able to play the role assigned to them by Arendt. The article shows that Wystan Hugh Auden’s discussion of the poet’s condition allows one to close the gap in Arendt’s conception of the role of facts in politics and at the same time to see the fundamental limitations of that conception.

Key words: Auden, Arendt, poetry, politics, history, love, public realm, political action, factual truth.